

Глава 6. Третий брат?

Позавтракав в доме семьи Хэ, госпожа Сяо сразу принялась собираться помогать Сюй Ань привести в порядок старый дом. Её второй сын должен был идти подрабатывать в швейную лавку на Восточной улице, утром у него времени не было, но он тоже пообещал прийти после работы. Да-цзе сменила одежду на тёмную, убрала волосы под платок и взяла лопату с метлой. Сяо Сюэмэй взвалила на плечи два ведра — удобно будет носить воду для мытья.

В семье Хэ давно не было мужчины, который служил бы опорой дому. Сяо Сюэмэй одна растила троих детей, и жилось им небогато. Хорошо хоть в те времена, когда муж ещё был жив и семья жила получше, он успел выкопать во дворе колодец. Благодаря этому в повседневной жизни не приходилось так уж мучиться с водой. Летом, когда стояла жара, у уличных колодцев выстраивались длинные очереди, а соседи приходили просить воды. За несколько вёдер воды можно было получить два медяка, корзинку дынь или пару утиных яиц — всё это хоть немного помогало сводить концы с концами.

Пока мать с дочерью отправились к дому Сюй, сам Сюй Ань бегал по лавкам на улице. Ему предстояло купить черепицу и самые необходимые вещи для дома. Зимний месяц стоял холодный, дожди шли часто. Если не поторопиться с ремонтом крыши, стоило начаться затяжному дождю — и он мог лить десять дней или даже полмесяца. Тогда о том, чтобы жить в доме, не могло быть и речи, а мокрая скользкая крыша старого дома стала бы настолько опасной, что чинить её было бы уже невозможно.

Идя по улице, Сюй Ань заметил, насколько сильно дневной рынок отличался от того, что он видел прошлой ночью. Он был куда оживлённее, чем маленький городок с несколькими безлюдными улицами, каким тот сохранился в его памяти.

Проходя мимо городской управы, Сюй Ань увидел, что прежние полуразвалившиеся помещения, вокруг которых когда-то постоянно крутились куры, утки, свиньи и собаки, теперь были полностью перестроены. Высокие ворота, большая вывеска, по обе стороны входа сидели два величественных каменных льва, а неподалёку дежурили стражники с мечами. Теперь здесь чувствовалась настоящая строгость и достоинство казённого учреждения.

На прежнем пустыре, где прежде повсюду валялся помёт домашнего скота, теперь было чисто. Там устроили место для объявлений городской управы: вывешивали награды за поимку преступников по делам уезда и города, уведомления о драках и других происшествиях, а ещё поздравления тем, кто в этом году успешно сдал государственные экзамены...

Сюй Ань скользнул взглядом по доске. Поздравления были небольшими, зато имена на них написаны крупными иероглифами — так казалось, будто людей, удостоившихся чести, было больше.

Но его внимание привлекло другое объявление — карта города, судя по всему, составленная совсем недавно.

Перед тем как отправиться учиться медицине в префектурный город, Сюй Ань помнил Тяньшуй совсем иным. Тогда в нём было всего три улицы. В Поднебесной царили мир и спокойствие, население постепенно росло, и городок день ото дня становился оживлённее. Когда в семь лет он уехал учиться к наставнику, днём на улицах постоянно раздавался грохот строительства. Каждый год, возвращаясь из префектурного города на Новый год, Сюй Ань замечал, что в городе прибавилось несколько жилых домов и лавок.

К тому времени, когда он вернулся домой в одиннадцать или двенадцать лет, три улицы уже превратились в пять.

А теперь, взглянув на карту, он только и смог изумлённо вздохнуть: оказывается, в городе уже было двенадцать улиц!

Сюй Ань невольно поразились тому, насколько сильно Тяньшуй изменился за эти годы.

Улица Санми, где стоял его дом, была одной из первых построенных в городе и теперь считалась старой улицей. Окружающие её переулки тоже почти не изменились, поэтому, находясь здесь, он не особенно чувствовал перемены. Он и не представлял, как быстро город разросся.

Но стоило выйти наружу, как повсюду попадались носильщики, разносчики, торговцы и просто прохожие. Уже по одному оживлению на улицах можно было понять, насколько Тяньшуй теперь отличался от прежнего.

Сюй Ань смотрел на преобразившийся родной город и всё-таки чувствовал радость.

Задерживаться здесь он не стал и отправился в черепичную мастерскую.

— Младший брат, раз ты знакомый свахи Сяо, тогда всё проще простого. Чёрная черепица по два медяка за штуку, а тебе отдам две за три.

Сюй Ань услышал цену, которую назвал работник мастерской. Для префектурного города она и так была очень выгодной, но перед уходом тетя Сяо уже дала ему несколько советов, так что он знал, сколько здесь на самом деле стоит товар.

Поэтому покачал головой:

— Раз уж меня привёл знакомый человек, я знаю, какая цена считается хорошей. Брат, уступи мне: по одному медяку за штуку.

Работник усмехнулся:

— Мы тоже обязаны свахе Сяо. Иначе ради каких-то трёхсот-пятисот штук я бы не стал отдавать тебе две за три медяка. Тебе нужно триста? Спроси у других — разве там не попросят по два медяка за штуку?

— Я тебя не обманываю, — продолжил он. — По одному медяку за штуку отдать можно. Но если закажешь восемь или десять тысяч, тогда и дам тебе такую цену.

С этими словами он не стал ждать возражений Сюй Аня, подхватил стопку черепицы и спросил:

— Вам самим забрать или мы доставим? Если на телеге, то всего-то добавь пять медяков. Всё-таки соседи.

Сюй Ань подумал, что, может, стоит попросить его не брать плату за доставку, и тогда можно будет согласиться.

Но прежде чем он успел открыть рот, за его спиной раздался грубоватый голос:

— Триста штук за двести восемьдесят медяков.

Сюй Ань тут же обернулся. Это оказался тот самый гэр, который вчера подвозил его домой.

— Ох, Цяо-гэр! Мне тоже надо бизнес делать! А ты цену-то заломил, — работник услышал его предложение и уже собирался возмутиться, но, подняв голову и увидев, кто перед ним, лишь беспомощно вздохнул: — Товар и так с маленькой прибылью продаём. Я вообще на этом не зарабатываю.

Хэ А-Цяо* ничего не ответил, явно не собираясь слушать эти отговорки.

[*А-Цяо (阿交, Āqiāo) — уменьшительно-ласкательная или дружески-фамильярная форма имени Цяо, образованная с помощью префикса «А-» (阿).]

— Ладно-ладно, старый клиент. Боюсь я тебя, — первым сдался работник. — Но раз уж договорились на эту цену, доставку не включаем, хорошо? А то мне и вовсе придётся доплачивать из своего кармана.

А-Цяо кивнул, после чего повернулся к Сюй Аню, который от удивления чуть шире раскрыл глаза.

— Ещё что-нибудь нужно? Здесь есть фарфоровая и керамическая посуда.

Сюй Ань, всё ещё поражённый тем, как быстро Цяо-гэр сбил цену, поспешно сказал:

— Тогда ещё один обычный набор чашек и мисок.

— Как насчёт тонкой керамики с узором орхидеи? — предложил работник. — Шесть пиал для риса, шесть тарелок для блюд, одна суповая миска, одна большая миска, две большие тарелки. Плюс четыре чайные чашки и четыре чашки для вина.

Услышав про чашки для вина, Сюй Ань нахмурился:

— Четыре винные чашки не нужны.

Раз уж А-Цяо был здесь, работник не стал его уговаривать. Убрав четыре винные чашки, он посмотрел на А-Цяо:

— Тогда всего восемьдесят медяков.

А-Цяо не возразил.

После недавнего торга работник тоже больше не решался завышать цену перед новым покупателем.

Пока он собирал черепицу и посуду, в душе он недоумевал. Сяо Сюэмэй была городской и деревенской свахой, и люди нередко приходили, называя её имя, покупать миски, горшки или черепицу. Этим его уже давно было не удивить. Если можно было содрать лишнее — он всегда старался это сделать. Но сегодня он никак не мог понять, кем приходится этот молодой человек женщине, раз Хэ А-Цяо лично пришёл помочь ему торговаться.

— Чего это ты сегодня по улице ходишь? По делу пришёл или отдыхаешь? — работник подсел поближе к А-Цяо и принялся болтать. — А этот молодой парень мне совсем незнаком. Родственник ваш?

Сюй Ань как раз пересчитывал черепицу и, услышав негромкий голос работника, невольно слегка наострил уши. После вчерашнего и сегодняшнего он и сам не мог не испытывать любопытства к этому гэру.

А-Цяо лишь хмыкнул.

Сюй Ань не понял, на какой именно вопрос тот ответил, и потому остался в недоумении. Работник, однако, больше ничего не спрашивал. То ли понял ответ, то ли давно привык к тому, что этот гэр не любит много разговаривать и всё равно ничего больше не добьёшься.

Носить с собой несколько сотен медяков было неудобно, поэтому Сюй Ань достал кошелек и расплатился мелким серебром.

Работник взвесил серебро — вышло семь цяней*. Черепица и посуда вместе стоили триста шестьдесят вэней, значит, сдача должна была составить триста сорок вэней. В итоге работник вернул ему три цаня серебра и отсчитал ещё шестьдесят монет.

[*Цянь (钱, qián) – мера веса и денежная единица, которая составляет десятую часть лян и эквивалентна 100 вэням.]

Когда расчёт был закончен, Сюй Ань услышал, как маленький гэр сказал ему:

— Идём.

Сюй Ань обернулся и увидел, что купленную им черепицу и посуду уже вынесли к воротам и погрузили на стоявшую там телегу, ту самую, на которой он ехал прошлой ночью.

Очевидно, маленький гэр собирался отвезти его домой.

Сюй Ань вышел следом. На телеге лежали не только новые черепицы и посуда — там уже были стол, табуреты, таз, вёдра и прочие необходимые вещи. Всё было уложено так плотно, что телега оказалась битком набита.

Маленький гэр сидел впереди слева, оставив довольно широкое место для ещё одного человека.

Сюй Ань немного замешкался, но под настойчивым взглядом гэра всё же сел рядом.

— Ты знаком с работником этой керамической мастерской? — спросил он. — Называемые до и после цены — действительно очень глубокая вода.

А-Цяо вёз телегу по улице медленно.

— Мой хозяин ведёт с ними дела. Я часто сюда приезжаю.

Сюй Ань понимающе кивнул и сказал:

— Большое тебе спасибо. Если бы я случайно не встретил тебя и ты не помог мне поторговаться, сегодня мне пришлось бы заплатить вдвое больше.

Он достал из рукава полученные в лавке медяки и протянул А-Цяо одну связку:

— Вчера ты так быстро уехал, а сегодня снова меня подвёз. Как бы то ни было, ты должен взять

хотя бы плату за поездку.

А-Цяо покачал головой.

Сюй Ань нахмурился:

— Денег не берёшь, подарков не принимаешь. Ты так добр ко мне, что мне уже неловко.

А-Цяо ничего не ответил, лишь смотрел прямо на дорогу.

Сюй Ань вздохнул:

— Тогда хотя бы скажешь мне своё имя?

— Хэ А-Цяо.

Сюй Ань про себя повторил это имя и подумал, что тот оказался на удивление прямолинейным.

Мысли его, конечно, были совершенно неуместны, но он всё-таки не смог удержаться.

Цяо-гэр уже несколько раз помогал ему и при этом не хотел брать денег. Сюй Ань верил, что на свете немало добрых и отзывчивых людей, но они ведь совершенно друг другу не родственники. Зачем же помогать чужому человеку до такой степени? Тем более такому молчаливому и сдержанному гэру, как Цяо-гэр.

Сюй Ань уже достиг возраста двадцати лет и повидал в префектурном городе самых разных людей и самые разные вещи. Поэтому он предположил: либо Цяо-гэр что-то замышляет за его спиной, либо... он им заинтересовался.

Сюй Ань знал, что родился с привлекательной внешностью — пошёл в отца.

Когда-то его отец был нищим бродячим лекарем. Однажды он пришёл в Тяньшуй, поставил столик и начал бесплатно принимать людей. Тогда-то его мать с первого взгляда и потеряла голову, решив во что бы то ни стало выйти за него замуж, не обращая внимания ни на что.

И Сюй Ань вовсе не хвастался: за годы, проведённые в префектурном городе, немало гэров и девушек так или иначе проявляли к нему интерес.

Но сам он был целиком поглощён изучением медицины и получением удостоверения лекаря, а наставник, лекарь Лю Жу, время от времени ещё и напоминал ему, что не стоит в юности предаваться любовным делам.

Сам Сюй Ань подобных мыслей не имел, но это вовсе не означало, что он ничего не понимал.

Поэтому, судя по множественным знакам внимания со стороны Хэ А-Цяо, Сюй Ань не считал его гэром с нечистыми намерениями. Скорее всего, дело было именно во втором.

От этой мысли Сюй Ань невольно выпрямил спину.

Он совершенно не знал, что сказать.

А-Цяо опустил взгляд и украдкой посмотрел на сидевшего рядом человека. Он не понимал, почему после того, как услышал его имя, Сюй Ань вдруг замолчал.

Но в одном А-Цяо был уверен: Сюй Ань этого имени не знал.

Свое настоящее имя он получил лишь в тринадцать лет. В то время Сюй Ань всё ещё находился в префектурном городе.

Пока оба были погружены в собственные мысли, телега уже проехала через рынок и въехала на улицу Санми.

Хэ Да-цзе, подметавшая высокой метлой дверной проём, увидела подъезжающих и удивлённо обрадовалась. Издалека она окликнула А-Цяо, который правил телегой:

— Третий брат, почему ты вернулся? И как ты ещё встретил брата Сяо Аня?!

Услышав это, Сюй Ань чуть дёрнул бровью и резко повернул голову к Хэ А-Цяо, державшему в руках поводья.

— Третий брат?!

<http://bllate.org/book/21538/2298454>